

НЕЗНАКОМЫЙ ФЛОБЕР ИЛИ НЕВОЗМОЖНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Аннотация. В статье исследуются два письма Полины Виардо, одно из которых адресовано Гюставу Флоберу. В нем певица намекает о своей привязанности к французскому писателю, недовольная тем, что не получает соответствующего отношения к ней. Это небольшое письмо после смерти Флобера попадает к Тургеневу, который анализируя его содержание, разрабатывает сюжет повести «Клары Милич» (После смерти). Сравнивая жизненную ситуацию, связанную с письмами певицы, и сюжет повести автор статьи изучает творческую лабораторию И.С. Тургенева, приходя к мнению о невозможном и несостоявшемся треугольнике — Полина-Флобер-Тургенев.

Ключевые слова: Полина Виардо. Гюстав Флобер, Тургенев, письма Полины, повесть «Клара Милич» (После смерти).

THE UNFAMILIAR FLAUBERT OR THE IMPOSSIBLE TRIANGLE

Abstract. The article examines two letters from Pauline Viardot, one of which is addressed to Gustave Flaubert. In it, the singer hints about her affection for the French writer, dissatisfied with the fact that she does not receive appropriate treatment towards her. After Flaubert's death, this small letter reaches Turgenev, who, analyzing its contents, develops the plot of the story "Clara Milich" (After Death). Comparing the life situation associated with the singer's letters and the plot of the story, the author of the article studies the creative laboratory of I.S. Turgenev, coming to the conclusion about the impossible and failed triangle — Pauline-Flaubert-Turgenev.

Keywords: Pauline Viardot. Gustave Flaubert, Turgenev, letters from Pauline, the story "Clara Milich" (After Death).

Выбранное мною заглавие соответствует названию Международной конференции, заявленной в Москве: «Иван Тургенев, Полина Виардо и Гюстав Флобер, тройственный союз». В моей статье речь пойдет не об одном тройственном союзе, а даже о двух треугольниках. Итак, вот мое повествование о событиях и документах, их подтверждающих.

С одной стороны, в тройственный союз можно включить Жорж Санд, Флобера, Полину; с другой — Флобера, Тургенева, Полину. Заметим, что Полина, как и Флобер, фигурируют в обоих трио, женское присутствие оказалось необходимым и в первом и во втором случае. Документы, подтверждающие это предположение (мы располагаем тремя) — это два письма Полины и повесть Тургенева «Клара Милич (После смерти)».

Письмо с автографом Полины, написанное Луи и Жанне Поме, принадлежит мне. Его я и хочу процитировать:

«Ясени»

8 сентября 1883

Дорогие друзья, пройди через испытание, выпавшее на нашу долю, выше моих сил. Всего две недели назад я потеряла своего дорогого племянника Мануэля!

А! слишком много событий одновременно, и судьба мне жестоко отплатила за то счастье, которым я наслаждалась всю жизнь! И теперь я вижу то, что от него осталось как незначительный, но печально-болезненный пост-скриптум. ... Пожайте и любите вашу несчастную подругу. Полина В.

Единственное и яркое свидетельство о привязанности Полины к Тургеневу. Я к нему вернусь позже.

Теперь о письме Полины, которое принадлежит Музею Тургенева в Буживале, без подписи и без даты, но в котором, тем не менее, без труда можно угадать почерк певицы: на ее авторство указывают также инициалы вверху документа. Правда, нигде не указан адресат. Этот загадочный корреспондент заставил меня попотеть: в моей публикации автографа в 2008 году (Кайе Тургенев, № 25) я предположил, исходя из содержания, что письмо адресовно Альфреду де Мюссе, несмотря на то, что в этом случае, получается, что шестидесятилетняя Полина пишет поэту,

умершему двадцатью годами ранее. Я заключил без особой уверенности, что это, возможно, фиктивное письмо Полины Виардо, придуманное ею самой. Прошло время и Тьерри Боден, знаменитый эксперт по автографам, раскрыл личность истинного получателя этой удивительной записки: это был Гюстав Флобер.

Тьерри Боден подтвердил, что письмо настоящее, и оно было отправлено почтой, о чем свидетельствуют типичные в таких случаях складки на бумаге.

«Но, дорогой друг, у меня сводит руку судорогой от того, что я держу ее вытянутой; с протянутой рукой ожидаю тебя! Эту руку, преданно протянутую, ты не пришел взять, и почему?! Вот чего я не могу понять! Неисправимый дикарь, недоверчивый гордец, подозрительный, обидчивый, притворно смиренный скептик с отвратительным характером, что сделало тебя таким? Такими не рождаются! Почему же дружба г-жи Санд не смягчила вас немного, не смягчила ваш ум, не укрепила в вас веру в добро, как не пробудила она вас от этой темной летаргии, в которой вы не можете найти покоя? Госпожа Санд обращалась с вами, как с больным ребенком, она баловала вас, баловала вас своей материнской дружбой, и ребенок засыпал, широко раскрыв свои грустные глаза... Ну же, не правда ли? Вы сказали мне, что впредь память моя будет для вас неотделима от памяти нашего великого друга, что доставляет мне настоящее удовольствие, — но предупреждаю вас, что я не буду относиться к вам с такой же нежностью, как она. Я буду мучить тебя, я буду трясти тебя, я не позволю тебе снова впасть в равнодушное — «какое это имеет значение!» Напротив. Если это письмо придет вовремя, приходите завтра незадолго до трех часов, моя рука все еще в том же положении».

Начало было положено Жорж Санд, которая внезапно предложила Гюставу невесту через шесть месяцев после смерти его матери, а это немаловажный факт (письмо от 26 октября 1872 года): «Почему вы не пришли к нам с г-жой Виардо и Тургеновым, вы их любите, вы восхищаетесь ими, вы знаете, что мы обожаем вас, и вы убеждаете, чтобы побить наедине. Ну, почему бы тебе не жениться? Быть одному ненавистно, ужасно до смерти <...> Разве у тебя нет любимой женщины или кого-то, кем вы

хотели бы быть любимым? Возьми ее с собой. Нет ли где-нибудь малышки, опцом которого ты можешь считать себя? Воспитай его, сделай себя его рабом, забудь себя ради него».

Мы знаем ответ трубадура (28–29 октября 1872 года): «Что касается жизни с женщиной, жениться, как вы мне советуете, — это из области фантастического. Почему? Я не знаю. Но это так, может быть вы мне объясните причину. Женское присутствие никогда не вписывалось в мою жизнь. Кроме того, я недостаточно богат. И потом, и потом...»

Я слишком стар. А потом слишком, я слишком чист, чтобы навязывать навечно свою персону другому человеку. Во мне есть некая духовная убежденность, о которой никто не подозревает».

О детях Флобер давно высказал свое мнение: «все это очень мило, но я не люблю малышно, она слишком похожа на лодки»³. Утверждение, которое можно прочесть в главе о воспитании Бувара и Пекюше: Виктор и Викторина порочны и трудно поддаются воспитанию.

Разумеется, Полина, писавшая Флоберу в субботу 12 января 1878 года, через полтора года после смерти Жорж Санд, не знала о ее переписке с литератором, но ей сообщали об их особых отношениях. Ее письмо к Гюставу написано весьма дерзко. Она пишет о «судороге в руке, которая усиливается из-за раскрытой ладони», это потребовало бы объяснения, от которого я воздерживаюсь из соображений стыдливости.

Но Флобер, еще до получения этого небольшого письма, не хотел идти к ней домой. Он уладил это дело с Тургеновым, написав ему «в субботу вечером»: «Сегодня я хотел пойти к мадам Виардо. Предъявите ей мой извинения, но меня задержал Ренан, который читал мне»⁴. Это был предлог, так как в опубликованной переписке Эрнеста Ренана нет свидетельства об этом визите Флобера к философу. Гюстав получит послание Полины только на следующий день. Мы не знаем его реакции, и это обидно, но гораздо позже мы узнаем о реакции Тургенева. Она проявится в его рассказе «Клара Милич» (После смерти), где он воспроизводит ситуацию, описанную в строках адерсованных не ему. Эти строки никогда не изучались и даже никем не были замечены, и мы говорим о них впервые. Прежде всего надо

было установить, каким образом Тургенев смог впоследствии получить эту записку, без которой рассказ «Клара Милич» не мог бы быть написан.

Я занимался этим вопросом опосредованно, опубликовав несколько работ о сотрудничестве Ги де Мопассана с Тургеневым по поводу публикации в России перевода «Буvara и Пекюше» в 1881 году⁵. Вероятно, Мопассан передал ее Тургеневу, различив почерк Полины Виардо.

Тургенев использует ее, рассказывая о таком психологическом факте как самоубийство певицы Эвлалии Кадминой⁶, в которую служавший Владимир Аленицын влюбляется после ее смерти.

Однако текст «Клары Милич» был написан только через семь месяцев. Я сверился с рукописью автографа в коллекции «Le Césaire»⁷, состоявшей из 45 страниц, где можно прочесть на первой странице: «Начато в Буживале 21 августа 1882 г., закончено в пятницу, 20 августа» (по новому стилю — 1 сентября 1882 года).

С самого начала кажется, что Тургенев параллельно занимается и вторым сюжетом, навеянной уже известной запиской. Но где, черт возьми, ее нашел Мопассан? В ящичке шкафа в доме Круассе, куда ее положил Флобер, он же Арагов⁸ по повести русского писателя.

В критических работах, посвященных этому произведению Тургенева, кажется никто не утруждал себя занятиями второстепенным персонажем: Платонидой Ивановной, известной как Платоша, теткой Арагова, героя повести. Эта старушка, старая дева, вылитая на наш взгляд Анна Жюстин Каролина Флобер, урожденная Флерико (1793–1872), мать Гюстава Флобера, которую Тургенев знал с 1868 года. Любопытно и то, что Арагов был наделен чертами Гюстава: такого бестактного отношения нельзя было ожидать от его близкого друга. Тургенев использует недостатки Флобера, отмеченные Полиной Виардо. Такое впечатление, что у него как будто бы был издательский контракт с певицей. Он заходит так далеко, что тщательно подсчитывает возраст Платоши (она же мать Флобера), которая была на 28 лет старше Гюстава. В 1847 году, во время путешествия с Максимом Дю Капом, ему было 25 лет, его магери, следовательно, 53

года, что соответствует утверждению в повести Тургенева: «ей было далеко за пятьдесят»⁹.

Платонида вела хозяйство Яши и брала на себя все заботы о его трагах, на что Арагов был совершенно неспособен: и эта черта характера Флобера соответствует наблюдениям биографов.

Близость с матерью давало утешение Гюставу, как и ее забота о всегда накрытом столе в Круассе, об управлении домом, добросовестно уплаченных долгах. Платонида экономила каждую копейку и лично делала все покупки. Каролина Хамар, племянница Флобера, вспоминает, что у ее бабушки практически не было личной жизни: она жила тем, что радовало других¹⁰.

Она была идеалисткой, и ее имя Платонида подходило ей. Платоша при жизни почти никого не знала, кроме своего маленького Яши¹¹. Но она была собственником и, внимательно следя за теми, кто приходил к Яше, допускала лишь некоторых из них, в том числе Кулфера, который, на наш взгляд, олицетворяет самого Тургенева, а Яша — Флобера.

В данном случае речь идет о дофрейдистском исследовании Эдипова комплекса, объектом которого является один из мастеров французской литературы. Это исследование основано как на личных наблюдениях, так и на наблюдениях Полины в ее письме, о котором она пишет: заботливый, замкнутый Гюстав, «сдержанный со своими товарищами, застенчивый, избегающий женщин, одинокий, поглощенный своими сочинениями»¹². Вспомним, что пишет Полина: «Жорж Санд, суррогатная мать, относилась к Гюставу, «как к больному ребенку» (в действительности, он не такой); она «избаловала его, убаюкивая своей материнской дружбой, и ребенок позволил себе быть убаюканным», то есть Жорж Санд потакает ребячливости Гюстава, так же, как до этого делала его настоящая мать, опасаясь, что у ее сына случится роман уже в возрасте 25 лет!»¹³ Это мать делала из Гюстава больного, инвалида, кем он никогда не был, и все только для того, чтобы лучше контролировать его.

Тургенев, который знал Каролину Флобер во время своего пребывания в Круассе с 1868 года, внимательно наблюдал за ней, хотя и был очень осторожен: «Ваша респектабельная мать кажется мне лучшей матерью, о которой можно только

мечтать». Или спрашивал: «Что делает мадам Флобер?»¹⁴. Писатель пристально вглядывался в эту маниакальную спутницу своего взрослого сына, не забывая при этом, что по сюжету повести она приходится Аратову теткой и двоюродной сестрой его матери.

— Она была застенчивой от природы?¹⁵ — спросил Аратов у Платоши. Двойник Флобера явно думал о себе как о биологическом наследнике своей матери.

Итак, мы подошли к Аратову, который списан с Флобера. Яков Аратов, известный как Яша, бежал от общества своих товарищей, будучи «дикарем», по одному из определений, данному Полиной.

«Ты заботишься только о себе, о своем достоинстве, о своем спокойствии»¹⁶, — сказала Клара в известном разговоре с Аратовым на Тверском бульваре.

Создается впечатление, что Тургенев воспроизводит письмо Полины, которое тщательно анализирует. Доказательством этого является оригинал письма, который можно увидеть в Тургеневском музее в Буживале. Это «послание, написанное женским почерком, неправильным, крупными буквами»¹⁷, напоминает описание письма, взятого Аратовым из записной книжки Клары, когда он был в Казани: Аратов «сразу узнал крупный, неправильный почерк»¹⁸. Так наблюдательный Тургенев характеризует почерк другой знаменитой анонимной записки, написанной Полиной.

Навязчивый характер этого письма напоминает Тургеневу о личных переживаниях, не имеющих ничего общего с Флобером, чьи детские комплексы он анализировал. Этот повторяющийся крик в доме на Остоженке: «Это Рашель, это Виардо?»¹⁹, «цыганка», — так кричала собственная мать Тургеневу²⁰: вспоминает он и очень специфическую для нее позу: «голова слегка наклонена вправо»²¹, явно не говорящую о том, что она страдала в своей жизни. Крик «актриса!», потом уничижительное — «Актёрка!»²², — бесспорно задает тон рассказу Тургенева: эти переживания ему знакомы больше, чем Флоберу-Аратову, который и издает этот крик.

Всплеск эротики, уже отмеченное выше женское либидо, усиливается во сне Аратова, где Клара тащит его на кладбище

и ложится рядом с ним на погребальную плиту. Что это, как не повторение Тургеневым такой же истории в стиховорении в прозе «Встреча», а также еще одного сюжета, рассказанного Эдмону де Гонкуру в крепких выражениях о приключении на швейцарском кладбище²³.

Однако Флобер далек от всего этого, он давно покинул трюг-гольник, но возможно, что однажды вновь примкнет к нему, но это еще предстоит нам доказать.

Отдавись Флоберу, Полина переходит ко второй фазе, где ей предстоит поймать его в свои сети, рассчитывая на садо-мазохистскую реакцию: но Флобер — не Тургенев. Она начинает с утверждения того, чего мы никогда не узнаем: «Вы сказали мне, что моя память о вас огненные будет неотделима от памяти нашего великого друга, что доставляет мне истинное удовольствие». Флобер никогда его не интересовался, как Аратов Klarой.

Но, именно она, без стеснения, возобновила свою игру, упоминая Тургенева, год спустя, после случая с ногой, случившейся с отшельником из Круассе: «Ты весь день держал меня в неподдельной тревоге! — и госпожа Виардо в свою очередь признается, что она сама не знала до сегодняшнего дня, как «я была привязана к вам»²⁴. Конец записки кажется тягостным: Полина претендует на то, чтобы взять под контроль своего «малыша» другим способом, чем Ж. Санд!

В заключение я хотел бы напомнить о том, что Эдмон де Гонкур описывал в своем дневнике, как мадам Виардо купается в бесстыдном обществе, описанном Эдмоном де Гонкуром в его дневнике.

Тургенев, безусловно любивший ее, все же воспринимал ее как актрису, то есть также героиню из литературного произведения. Это восприятие кажется мне очень точным. Доказательство тому является любовь, которую разделяли на протяжении 40 лет Полина и Иван. Признание Полины супругам Поме, о котором он говорит в процитированном мною письме в начале статьи, приоткрывает то чувство любви, которое оставалась скрытым и тайным с ее стороны, но, прежде всего, то счастье за прожитые 40 лет рядом с исключительным мужчиной.

Что же касается посмертного «постскриптума», то его написала не она, а автор стиховорения в прозе «Когда меня уже не

будет» и повести «Клара Милич», чтобы увековечить счастье после смерти.

И все же. **Никогда не было любовного треугольника ни с участием Флобера, ни даже с добрым Луи Виардо.**

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жакоб А. Г. Флобер — Ж. Санд. Переписка. Изд. А. Жакоба. Фламарион. 1981. С. 400.
2. Там же. С. 402.
3. Брюно Ж. Флобер Г. Переписка. Изд. Ж. Брюно. Галлимар. 1973. Плеяда. Т. 1. С. 381.
4. Звигильский А. Г. Флобер — И. Тургеневу. Переписка. Изд. А. Звигильского. Фламарион. 1989. Письмо от 12 января 1878 г. С. 226. См. статью А. Звигильского: Тургенев между Францией и Россией: панегирик и переводчик Флобера, поддерживаемый Мопассаном // *Кайе* № 38. Флобер. Мопассан. 2019. С. 69–78.
6. Евлалия Кадмина. Контроль, отправилась на сцене Краковского театра 4 ноября 1881 г. Владимир Аленицын влюбляется в нее после ее смерти. Этот случай психоза заинтересовал Тургенева.
7. Фамилия владельца автографов Тургенева и Виардо.
8. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах. Письма: в 18 томах. Т. 10 М.: Наука, 1987. См.: Клара Милич (После смерти). Т. 10. Гл. VI. С. 80.
9. Там же. С. 87.
10. Франклин-Гру Каролина. Воспоминания и другие тексты. Изд. М. Депорт. Руан. 1999. С. 148.
11. Тургенев И. Клара Милич. Гл. XX. С. 92.
12. Там же. Гл. I. С. 68.
13. Там же. Гл. VII. С. 85.
14. Звигильский А. Г. Флобер — И. Тургенев. Переписка. Цит. С. 84, 95.
15. Тургенев И. С. Клара Милич. Гл. VI. С. 81.
16. Там же. Гл. VII. С. 84.
17. Там же. Гл. VI. С. 80.
18. Там же. Гл. XII. С. 101.
20. Там же. Гл. III. С. 73; Гл. VI. С. 80.
20. Там же. Гл. III. С. 74.
21. Там же. Гл. III. С. 104.
22. Там же. Гл. XIV. С. 85.
23. Там же. *Кайе* № 20. С. 61.
24. Звигильский А. Г. Флобер — И. Тургенев. Переписка. Письмо от 3 января 1879 г. С. 249.

ЛИТЕРАТУРА

1. J. Brunot. G. Flaubert. Correspondance. V. 1. Texte édité par J. Brunot. Paris / Gallimard. Pleiade. 1973.
Брюно Ж. Г. Флобер. Переписка. Т. 1. Текст подготовлен Ж. Брюно. Париж. Изд. Галлимар. Плеяда. 1973.
2. Alfonse Jacobs. Flaubert Gustave — Sand George. Correspondance. Texte édité, préfacé et annoté par Alphonse Jacobs. Paris. Flammarion. 1981.
Жакоб А. Флобер Гюстав — Санд Жорж. Переписка. Ред., предисл. и коммент. А. Жакоба. Париж. Фламарион. 1981.
3. Alexandre Zviguilsky. Tourguéniev entre France et Russie: le panégyriste et traducteur de Flaubert, soutenu par Maupassant, Cahiers. Flaubert-Maupassant, № 38. 2019. P. 69–78.
Звигильский А. Тургенев между Францией и Россией: панегирик и переводчик Флобера, поддерживаемый Мопассаном. *Кайе*. Флобер-Мопассан. № 38. 2019. С. 9–78.
4. Alexandre Zviguilsky. Flaubert Gustave — Tourguéniev Ivan. Correspondance. Texte édité, préfacé et annoté par Alexandre Zviguilsky. Paris. Flammarion. 1989
Звигильский А. Флобер Гюстав — Ивану Тургеневу. Переписка. Ред., предисл. и коммент. Александра Звигильского. Париж. Фламарион. 1989.
5. Caroline Franklin-Grou. Souvenirs intimes et autres textes, édition Matthieu Desportes. Rouen, 1999.
Франклин-Гру Каролина. Воспоминания и другие тексты. Изд. Маттье Депорта. Руан. 1999.
6. Ivan Tourguéniev. Clara Militch, édition académique. Т. X. Тургенев И. Клара Милич (После смерти) Соч. Т. 10. Полное собрание сочинений в 30 томах и писем в 18 томах. М. Изд. Наука. 1987.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Звигильский Александр Яковлевич (Париж. Франция), доктор филологических наук. Кавалер ордена искусства и литературы медали им. А.С. Пушкина, основатель Музея Ивана Тургенева и Ассоциации друзей Ивана Тургенева. Полины Виардо и Марии Малибра, главный редактор литературного журнала «Кайе».
Эл. почта: alexandre.zviguilsky@wanadoo.fr

Zviguilsky Alexander Yakovlevich (Paris, France), Doctor of Philology. Knight of the Order of Art and Literature Medal named after. A.S. Pushkin, founder of the Ivan Turgenev Museum and the Association of Friends of Ivan Turgenev. Pauline Viardot and Maria Malibra, editor-in-chief of the literary magazine Cahier.
E-mail: alexandre.zviguilsky@wanadoo.fr